

ОБЩЕСТВО ДОСТОЕВСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

АЛЬМАНАХ № 23

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

Фетисенко О. Л. (Санкт–Петербург) ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ КАК ЧИТАТЕЛЬ И «ГЕРОЙ» ДОСТОЕВСКОГО	145
ПРИГЛАШЕНИЕ К СПОРУ	
Евлампиев И. И. (Санкт–Петербург) ПОЭМА «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО	159
Капилупи С. (Италия) ДОСТОЕВСКИЙ, ИТАЛИЯ И КАТОЛИЦИЗМ: ТРИ ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	175
РАЗЫСКАНИЯ	
Игнатъев А. А. (Боровичи) «...МНЕ ХОТЕЛОСЬ ТОЛЬКО ВИДЕТЬ ЕГО» (М. К. ЛИНДЕНБАУМ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИЗИТЕР ДОСТОЕВСКОГО)	197
Дудко В. И. (Киев) ДОСТОЕВСКИЙ – УЧАСТНИК ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ 1860–1861 ГГ.	202
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ	
Тарасова Н. А. (Петрозаводск) ВЫЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ В НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 1877 Г.	215
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ	
Боград Г. Л. (США) КАК ЭТО БЫЛО (Об организации первых «Старорусских чтений»)	233
СВОЙ ВЗГЛЯД	
Брумфильд У. (США) ПОНИМАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ГЮГО, ГОГОЛЬ, ДОСТОЕВСКИЙ	243
ХРОНИКА / РЕЦЕНЗИИ	
Ашимбаева Н. Т. (Санкт–Петербург) ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ДОСТОЕВСКОМУ В ДРЕЗДЕНЕ	257
Якубович И. Д. (Санкт–Петербург) ПОИСКИ И НАХОДКИ НОРВЕЖСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО	261
ПАМЯТИ УШЕДШИХ (<i>В. А. Туниманов</i> † 11 мая 2006, <i>Б. В. Федоренко</i> † 18 мая 2007)	266
ИЗ ПОЧТЫ АЛЬМАНАХА	
Федоренко Б. В. (Санкт–Петербург) ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ (О споре по поводу авторства разбора драмы А. Н. Островского «Гроза»)	279
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	281

Н. А. Тарасова

ВЫЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ В НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» 1877 г.

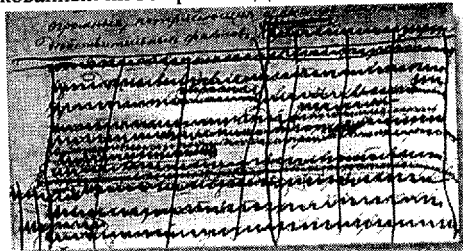
При изучении наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г. возникает необходимость решения различных текстологических проблем. Одна из них — чтение вычеркнутого автором текста. Проблемность данного вида научной работы подробного обоснования не требует: разбирать вычеркнутый текст непросто, даже если запись сделана хорошо знакомым почерком, — но все же приведем необходимые пояснения. В нашем случае дополнительные трудности были связаны с тем, что вычеркнутые отрывки содержались именно в наборной рукописи, то есть в беловом тексте, предназначенном для печати. Достоевский довольно основательно зачеркивал те или иные формулировки, которые по разным причинам представлялись ему неудачными, а в наборной рукописи он делал это с особым тщанием, видимо, опасаясь, что наборщик случайно прочтет вычеркнутое и наберет исключенный автором текст. Как правило, в наборной рукописи подобные записи почти полностью закрыты горизонтальными и зигзагообразными линиями, создающими несколько слоев. В результате, в более позднее время, когда при подготовке академического издания¹ стали публиковать все рукописное наследие Достоевского (в том числе и варианты наборной рукописи), обнаружилась отмеченная проблема. В *ПСС* нередки указания на то, что публикаторам не удалось разобрать часть записанного или весь вычеркнутый автором фрагмент рукописи. Между тем оказалось, что прочесть эти записи все-таки можно, причем опыт такой работы просто бесценен: не только лучше узнаешь, казалось бы, уже привычный почерк, но и яснее понимаешь, как следует выделять слои в тексте, как ограничивать линии вычерка от буквенных начертаний, чтобы сквозь чернильные хитросплетения проступило слово автора. Конечно, в данном случае и речи быть не может о том, чтобы вести подобную работу с копиями рукописного текста, какими бы качественными они ни были: результат возможен только при очень внимательном и довольно длительном изучении оригинала. В настоящее время существуют новые методики

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990 (далее — *ПСС*).

компьютерной обработки рукописного текста (знакомые автору статьи). Подчеркнем, что результаты такого компьютерного «очищения» зачеркнутой записи от наслоений требуют того же текстологического анализа, который проводится при «обычном» исследовании рукописи: компьютерная программа не прочитает текст за нас, итог работы зависит от характера и содержания наших действий.

Проанализируем результаты исследования. Всего в наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г. обнаружено семнадцать вычеркнутых записей, либо не опубликованных, либо опубликованных частично с пометой «*нрзб.*». К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть все случаи — выделим наиболее значительные.

В автографе за июль–август есть вычеркнутый отрывок, информация о котором отсутствует в ПСС. Запись относится к главе второй, § I «Опять обособление. Восьмая часть „Анны Карениной“». Как известно, восьмая часть «Анны Карениной», в которой выражалось скептическое отношение к выступлениям России в защиту балканских славян, была отвергнута редакцией журнала «Русский вестник» в силу идеологических соображений: М. Н. Катков, редактор не только «Русского вестника» (где публиковался роман Толстого), но и «Московских ведомостей», регулярно печатавших подробные отчеты о балканских событиях, поддерживал идею освободительной войны в защиту единоверцев. В автографе, как и в окончательном тексте «Дневника писателя», встречаем рассуждение о том, что взгляд «вымышленного», «фантастического», «несуществующего» Левина на Восточный вопрос читатель так или иначе будет соотносить с реальной авторской позицией: «Таким образом, судя об [фантастическом] /несуществующем² Левинь, мы будем судить и о [целом] действительном [уже] /уже/ взглядь одного из самых значительных /современных/ русских людей на текущую русскую действительность. А это уже предмет для суждения серьезный даже и в наше столь гремящее время, столь полное огромных, потрясающих и быстро смывающихся действительных фактов³. После этих слов следует текст, вычеркнутый автором и не опубликованный ни во времена Достоевского, ни позднее:

² В квадратные скобки заключен вычеркнутый Достоевским текст, в наклонные скобки — вписанный.

³ РГБ, ф. 93, л. 1. 12, л. 163. Сердечно благодарю сотрудников НИОР РГБ и РГАЛИ за предоставленные материалы.

«/Предметь/ серьезный потому уже, что в наше время столь всеобщаго разъединения взглядов и выводов относительно всего что кругом нас [дѣлается] /свершается/, взгляды и выводы [такихъ] /всѣхъ/ значительных русских людей, как авторь столь замѣчательнаго поэтическаго произведенія<, > непременно <над строкой вариант: если только случится что они какимъ нибудь путемъ выскажутся вслухъ, непременно> должны быть приняты всѣми въ особое вниманіе, [ибо] /такъ какъ/ изъ этихъ лишь взглядовъ /всѣхъ значительныхъ русскихъ людей, хотя бы и разныхъ занятій и профессій/, изъ сравненія ихъ и проверки ихъ, и составится хоть когда нибудь /въ совокупности/ взглядъ цельный и уже не сбивчивый, вѣрный и для всѣхъ единительный»⁴.

Отметим, что частичное текстуальное соответствие данной записи имеется в набросках к выпуску за июль–август: «[ибо] /серьезно эт<о> пот<ому что>/ в наше время /всеобщей/ раздробленности и разъединения нашихъ взглядовъ /на эту самую гремящую и потрясающую действительность/, мысли такихъ замѣчательныхъ русскихъ людей /какъ авторь ром<ана> Анна Кар<енина>/ [всѣ] заслуживаютъ непременно вниманія и оцѣнки, и /даже/ чѣмъ больше мы тутъ употребимъ вниманія и оцѣнки, /тѣмъ вѣрнѣе прибли<зится>⁵ къ настоящему⁶ вѣрно<му> взгляду⁷, который еще в будущее<мъ> <над строкой: сдѣлаемъ сами⁸>»⁹.

Запись, обнаруженная в наборной рукописи, содержит идеи, имевшие огромное значение для творчества Достоевского. Здесь, в частности, звучит тема разъединения русских людей, которая в «Дневнике писателя» определяется и через понятие «обособление»: «всеобщему разъединению взглядов и выводов» противопоставлен «взгляд цельный и уже не сбивчивый, вѣрный и для всех единительный», связанный в авторском восприятии с великим будущим России. Таким образом, в найденном отрывке видны те историософские представления Достоевского, которые развиваются в окончательном тексте «Дневника писателя» в целом. Кроме того, в данной записи появляется важная характеристика романа Л. Н. Толстого: «замечательное поэтическое произведение». Знаменательно определение «поэтическое», отнесенное к прозаическому тексту. Оно связано с традицией, сложившейся в истории словесности до появления произведений Достоевского (вспомним классический пример — суждения В. Г. Белинского о Гоголе как «поэте жизни»), и вместе с тем это определение отражает авторское понимание художественного творчества и творческого процесса. Исследователи часто приводят замечание Достоевского о поэте и художнике, высказанное в записной тетради за 1874 г.: «ЧТОБЫ

⁴ Там же. Л. 163–164.

⁵ В ПСС слово значится как неразобранный (см.: 25, 246).

⁶ В рукописи ошибочно: настоящей

⁷ В ПСС неточное прочтение: «чем к настоящей, вернее взгляду?» (25, 246; текст в сноске).

⁸ В ПСС: «сделаем <?>» (25, 246).

⁹ РГБ, ф. 93. л. 2. 14 / 7, л. 1.

НАПИСАТЬ РОМАНЪ НАДО ЗАПАСТИСЬ прежде всего *однимъ* или *нѣсколькими* сильными впечатлѣніями, пережитыми сердцемъ автора действительно. *Въ томъ дѣло поэта.* Изъ этого впечатлѣнія развивается[,] тема, планъ, стройное цѣлое. *ТУТЬ дѣло уже художника;* хотя художникъ и поэтъ помогаютъ другъ другу и въ томъ и въ другомъ — въ обоихъ случаяхъ» (запись находится на полях слева от основного текста, содержащего наброски к роману «Подросток») ¹⁰. Данное суждение получало различные толкования в науке. По мнению А. С. Долинина, Достоевский здесь «разграничил <...>, еще в самом начале работы над „Подростком“, момент возникновения художественного замысла и процесс дальнейшего его развития» ¹¹. Л. П. Гроссман уточняет это понимание, касаясь вопроса о соотношении искусства и действительности: «Итак, в основе романического замысла — поэма, то есть идея, пафос, фабула, страстный элемент, идеал и утопия; но они осуществимы художественно лишь при безупречном знании современной действительности в ее движущихся настроениях и характерных фактах. Быт и запросы эпохи придают конкретность и жизненность идеологической тематике романа» ¹². Особенностью «сложной внутренней структуры творений Достоевского», по утверждению исследователя, является «сочетание эпоса с поэзией и драмой, или философская поэма в оправе из физиологических очерков». Тем показательней, что Достоевский «почти никогда не называет себя романистом или писателем, но почти всегда поэтом в первоначальном смысле слова, т. е. творцом высокого стиля, песнопевцем великой темы, создателем новой интеллектуальной героики. В его литературной биографии не меньшую роль, чем знаменитые романисты, играют великие лирики и мировые трагики» ¹³. Интерпретация Л. М. Розенблюм синтезирует обе точки зрения: «Дело „поэта“ <...> — пережить действительность сердцем, в результате чего воображение автора создает предварительный, общий план произведения. <...> Следующий этап — деятельность „художника“, когда поэтический замысел должен быть конкретизирован и воплощен в самом произведении, сначала — в набросках к нему, а затем — в окончательном тексте» ¹⁴.

Таким образом, в наборной рукописи «Дневника писателя» роман Толстого назван «поэтическим произведением» именно потому, что он воспринимается Достоевским как результат «сильных впечатлений, пережитых сердцем автора действительно», — и такое определение показывает, что для Достоевского есть творчество. Не случайно в интересующем нас отрывке наборной рукописи роман как художественное творение соотно-

¹⁰ РГАЛИ, ф. 212, л. 12, л. 15 (в авторской нумерации — л. 7).

¹¹ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа «Подросток»). Л., 1947. С. 134.

¹² Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М., 1959. С. 367.

¹³ Там же. С. 336.

¹⁴ Розенблюм Л. М. Творческая лаборатория Достоевского-романиста // Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. М., 1965. С. 22 (Лит. наследство. Т. 77).

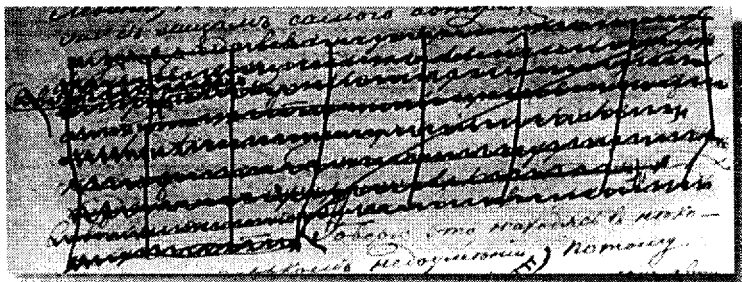
сится, с одной стороны, с авторским взглядом на мир, с другой — с самой реальностью.

Однако при исследовании рукописи возникает вопрос: если указанный отрывок обладает такой идейно-художественной насыщенностью, почему он был исключен Достоевским? Конечно, ответы на этот вопрос могут быть разными и все они останутся на уровне гипотез. Но это не значит, что следует уходить от объяснений. В данном случае (как и во многих других) значение приобретает контекст, а особенно — дальнейшие рассуждения Достоевского о романе Толстого. Они имеют менее обобщенный характер, чем вычеркнутый фрагмент; при этом, в силу своей конкретности, принимают более резкую форму высказывания: «Сущность этого взгляда, насколько я его понял, заключается главное въ томъ, что во [1^{хб}] все это такъ называемое національное движеніе /нашимъ/ народомъ отнюдь не раздѣляется и народъ вовсе /даже/ не понимаетъ его, во 2^{хб}] что все это [фа] нарочно поддѣлано, сперва известными лицами, а потом[у]/ъ/ поддержано журналистами изъ выгодъ, чтобъ заставить болѣе читать ихъ изданія<, въ> 3<^{хб}>» что всѣ добровольцы были или потерянные и пьяные люди, [безтолковые] или [глу] просто глупцы, въ 4^{хб}] что весь этотъ, такъ называемый подъемъ русскаго національнаго духа [противъ] /за/ славянь, былъ не только поддѣланъ известными лицами и поддержанъ продажными журналистами, но и [фальшиво] поддѣланъ[ъ, съ фальшивою злокозненною и зловѣщею, /и/ могущею потрясти такъ сказать основы и /т. д. <,> и т. д./ даже можетъ быть именно [противъ] для этого самого...] вопреки такъ сказать самыхъ основъ... И наконецъ въ 5^{хб}] что [„непо] [Славянь] всѣ варварства и неслыханныя истязанія <,> совершенныя надъ славянами, не могутъ возбуждать [непосредств] въ насъ <,> русскихъ <,> непосредственнаго чувства жалости и что „такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянь нѣтъ и не можетъ быть“. Последнее выражено [авторомъ рѣзко и] окончательно и категорически» ¹⁵. Более широкий контекст показывает, что вычеркнутый Достоевским отрывок по содержанию не согласуется с критической оценкой восьмой части «Анны Карениной». По форме же вычеркнутый фрагмент является авторским отступлением от главной темы — полемики Достоевского с Левиным и через героя с создателем романа. Видимо, все это и послужило причиной исключения записи, которая ни по содержанию, ни по форме не вписывалась в общий контекст размышлений Достоевского.

В наборной рукописи за июль-август имеется другая запись, исключенная из окончательного текста и частично разобранный в ПСС: «и [утвержда<ю>] вовсе не утверждаю, как <нрзб.> фальшиво <нрзб.>, что Левин есть портрет автора во всех отношениях, так сказать *Далее шесть густо зачеркнутых строк*» (25, 307). Этому фрагменту в рукописи предшествуют слова: «Впрочемъ <,> замѣчу еще, что хотя и утверждаютъ многіе, и даже

¹⁵ РГБ, ф. 93, л. 2, л. 12, л. 164–165.

я самъ ясно вижу, (какъ и [вырази] сообщилъ выше), что въ лицѣ Левина авторъ во многомъ выражаетъ свои собственныя убѣждения и взгляды, влагая ихъ въ уста Левина чуть не насильно и /даже/ явно жертвуя /иногда/ притомъ художественностью, но [все же] лицо самого Левина, такъ какъ изобразилъ его авторъ, я все же съ лицомъ самого автора /отнюдь/ не смѣшиваю»¹⁶. Далее следуетъ вычеркнутая заметка, вызвавшая затруднения составителей ПСС:

«и [утвержда] вовсе не утверждаю, какъ могли бы фальшиво заключить, что Левинъ есть портретъ автора /во всѣхъ отношеніяхъ/. Высказать это я уже потому бы не могъ, что почтеннаго автора совсѣмъ не знаю лично. А потому и сужденія мои о Левинѣ, какъ о замѣчательномъ типѣ русскаго человѣка, созданномъ графомъ Л. Толстымъ, [я вовсе не желалъ бы] самого автора отнюдь не касаются»¹⁷. Запись содержит, какъ видим, информацию о том, что Достоевскій и Толстой не были знакомы лично; об этомъ впоследствии сообщала А. Г. Достоевская, которая в «Воспоминаніяхъ» при описаніи своей встречи с Толстымъ процитировала его фразу: «Я всегда жалею, что никогда не встречался с вашимъ мужем»¹⁸. Кроме того, установленный текстъ показывает, насколько трудно было Достоевскому открыто, публично давать критическую оценку твореніямъ его знаменитаго современника. Здесь, какъ и в окончательномъ текстѣ, Достоевскій подчеркивает, что не стоитъ отождествлять автора и его героя; при этомъ отвергнутый вариант (в частности, строки «сужденія мои о Левинѣ — самого автора отнюдь не касаются») звучитъ более сдержанно, «этикетно», по сравненію с окончательнымъ текстомъ: «Говорю это, находясь в некоторомъ горькомъ недоуменіи, потому что хотя очень многое изъ выраженнаго авторомъ, в лицѣ Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, какъ художественно изображеннаго типа, но всё же не того ожидалъ я отъ такого автора!» (25, 194). Эмоциональность этого (вошедшаго в печатный текстъ) выступленія Достоевскаго понятна. Страницы газетъ и журналовъ

¹⁶ Там же. Л. 166.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Достоевская А. Г. Воспоминанія. М., 1971. С. 393.

того времени были наполнены многочисленными сообщеніями о зверствахъ турокъ на Балканах¹⁹, содержащими шокирующие подробности происходившаго: русскіе и иностранныя корреспонденты — очевидцы событій — в деталяхъ рассказывали о том, какъ башибузуки истязали и убивали мирныхъ жителей—славян, а также раненыхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, не успѣвшихъ покинуть поле боя при отступленіи (несмотря на то что русско-турецкая война 1877—1878 гг. завершилась победой Россіи, русская армія с начала военныхъ дѣйствій до осени 1877 г. потерпѣла несколько поражений в крупныхъ сраженіяхъ и несла огромныя потери). Судя по тому, какой откликъ эта тема получила в «Дневникѣ писателя», Достоевскаго болѣе всего поразили описанія убійствъ детей — и это, конечно, тоже не случайно: хорошо известно, сколь значимъ образъ ребенка для Достоевскаго и какъ важна христіанская, евангельская основа даннаго образа, на которую указываетъ и самъ автор (в частности, в «Дневникѣ писателя» 1876 г., в главахъ о дѣлѣ Кроненберга²⁰). Наборная рукопись «Дневника» за июль—августъ 1877 г. включаетъ одно изъ обращеній Достоевскаго к отмеченной темѣ: «И что за безчувственность рядомъ съ сантиментальностью! Вѣдь у Левина у самого есть ребенокъ, мальчикъ, [его только] вѣдь онъ же любить его, [какъ-же] /вѣдь когда моютъ въ ваннѣ этого ребенка, такъ вѣдь это въ домѣ въ родѣ событія; какъ-же/ не искривить /ему/ сердце свое слушая и читая объ избіеніяхъ массама, объ дѣтяхъ съ проломленными головами, ползающихъ около изнасилованныхъ своихъ матерей, убитыхъ, съ вырванными грудями. Такъ было въ одной болгарской церкви <> гдѣ нашли двѣсти труповъ, послѣ разграбленія города»²¹. Эти строки помогаютъ понять, почему Достоевскій такъ резокъ и категоричен в выступленіи, посвя-

¹⁹ Подробнее об этомъ см.: 25; 443—445 (примечанія А. И. Батюто).

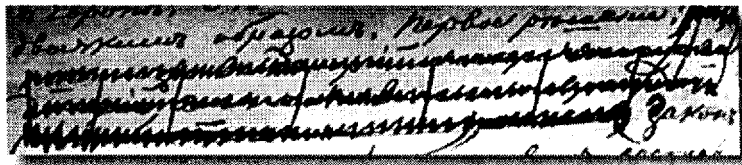
²⁰ См. в февральскомъ выпускѣ: «Вы скажете, что мы должны же исправлять дѣтей. Слушайте: мы не должны превозноситься надъ дѣтьми, мы ихъ хуже. И если мы учимъ ихъ чему-нибудь, чтобъ сделать ихъ лучшими, то и они насъ учатъ многому и тоже делаютъ насъ лучшими уже однимъ только нашимъ соприкосновеніемъ с ними. Они очеловечиваютъ нашу душу однимъ только своимъ появленіемъ между нами. А потому мы ихъ должны уважать и подходить к нимъ с уваженіемъ к ихъ лику ангельскому (хотя бы и имѣли ихъ научить чему), к ихъ невинности, даже и при порочной какой-нибудь в нихъ привычкѣ, — к ихъ безответственности и к трогательной ихъ беззащитности» (22, 68—69). Ср. с черновой замѣткой, включающей евангельскую реминисценцію (Мф. 19:13—14, Мк. 10:13—16, Лк. 18:15—17): «Христосъ <> обнимая дѣтей <> опредѣлить <> какъ на нихъ надо смотрѣть.

Сами вы г. Спасовичъ должны знать <> гдѣ предѣль ударовъ, если у васъ бьется что нибудь sous la mamelle gauche» (РГАЛИ, ф. 212. л. 15, л. 100). Совершенно тот же взглядъ на ребенка представленъ и в романахъ Достоевскаго. Так, в «Преступленіи и наказаніи», в знаменитомъ диалогѣ «убійцы и блудницы, странно сошедшихся за чтеніемъ вечной книги» сказано: «А вѣдь дѣти — образъ Христовъ: „Сихъ есть царствіе Божіе“. Онъ велѣлъ ихъ чтить и любить, они будущее человечество...» (6, 252). См. также: Лушкарѣва В. С. Дети и детство в творчествѣ Ф. М. Достоевскаго и русская литература второй половины XIX вѣка. Белгород, 1998. С. 89; Тихомировъ Б. Н. Дети в Новомъ Заветѣ глазами Достоевскаго. (Постановка проблемы) // Достоевскій и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 135—156; Он же. «Лазарь! гряди вон». Романъ Ф. М. Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» в современномъ прочтеніи: Книга—комментарій. СПб., 2005. С. 299—300.

²¹ РГБ, ф. 93.1.2.12. л. 207—208. См. также: 25; 448 (примечанія А. И. Батюто).

шенном восьмой части «Анны Карениной»; эти строки объясняют и другое — постоянное, сформировавшееся еще в публицистических работах 1860-х гг., критическое отношение к «теоретикам»: взгляды писателя на прошлое, настоящее и будущее России никогда не были «теорией», они выражали живое участие Достоевского ко всему происходившему вокруг. Авторская метафора — «искровенить сердце свое» — как нельзя более точное подтверждение этой мысли.²² По наблюдению Н. Т. Ашимбаевой, сделанному на материале художественных произведений Достоевского, «именно сердце, его отклик или, напротив, молчание становится критерием истинности или неистинности идейных убеждений и всего жизненчества»²³. Достоевский показывает собственных героев через «жизнь сердца»²⁴ — этот же принцип изображения человека важен для писателя при оценке «сантиментального», но «бесчувственного» Левина.

В наборной рукописи за июль–август есть еще один отрывок, вызвавший затруднения публикаторов ПСС. После строк: «Въ Аннь Карениной проведенъ взглядъ на виновность и преступность человеческую. Взятые люди въ ненормальныхъ условіяхъ. Зло [стало] существуетъ прежде нихъ. [Въ круговъ] Захваченные въ круговоротъ лжи люди совершаютъ преступленіе и гибнуть неотразимо. Какъ видно мысль на любимѣйшую и стариннѣйшую изъ европейскихъ [темъ] темъ. Но какъ <> однакоже <> рѣшается /такой/ вопросъ въ Европѣ? Рѣшается онъ тамъ повсемѣстно двоякимъ образомъ. Первое рѣшеніе:»²⁵ — вычеркнут текст, который в академическом издании приведен не полностью: «Мера пшеницы за динарий и мера ячменя за динарий <Далее 2 строки нрзб.>» (25, 309). В рукописи:

²² Здесь возникает и другая проблема, присущая именно «Дневнику писателя», — этическая, связанная с допущением убийства и насилия в условиях войны. См. различные мнения на этот счет: Волгин И. П. Нравственные основы публицистики Достоевского (Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. XXX. Вып. 4. С. 312–324, особенно 316–318; Тихомиров Б. Н. Гаршин, Достоевский, Лев Толстой. (К вопросу о соотношении евангельского и народного христианства в творчестве писателей) // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 89–107, особенно 98–101. Также см.: Сараскина Л. И. Не мечем, а духом // Век XX и мир. 1986. № 6. С. 40–47; Достоевский и канун XXI века // Знамя. 1990. № 7. С. 214–215; Дудкин В. В. Достоевский — Ницше (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 112; Матюшкин А. В. Две апологии войны в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Ситуации культурного перелома. Петрозаводск, 1998. С. 115–119.

²³ Ашимбаева Н. Особенности «сердцеведения» Достоевского // Ашимбаева Н. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 79.

²⁴ Там же. С. 68.

²⁵ РГБ, ф. 93, 1.2.12, л. 180.

«Первое рѣшеніе: [„Мѣра пшеницы за динарій и мѣра ячменя за динарій, еляя же и вина не повреждай“ (св. апостолъ <?> ...), т. есть [з]/З/аконъ данъ, написанъ, формулованъ, составлялся тысячелѣтїями»²⁶. Далее встречаем повторную цитату, не отраженную в ПСС. Появляется она в следующем контексте: «Съ тѣмъ вмѣстѣ, [„еляя и вина не повреждай“ т. е.] не смотря на всю ненормальность /и нельпость/ устройства того, что называемъ мы нашей великой европейской цивилизаціей, тѣмъ не менѣе пусть силы человеческого духа пребываютъ здравы и невредимы, пусть общество не колеблется въ вѣрѣ что оно идетъ къ совершенству, пусть не смѣетъ думать что затемнился идеаль прекраснаго и высокаго, что извращается и коверкается понятїе о добрѣ и злѣ, что нормальность непрерывно смѣняется условностью, что простота и естественность гибнуть, подавляемая непрерывно накопляющеюся ложью. [„Мѣра пшеницы за динарій и мѣра ячменя за динарій и такъ тому и быть“]»²⁷. В обоих случаях Достоевский не совсем точно цитирует Откровение св. Иоанна Богослова, имея в виду строки: «И когда Онъ снялъ третїю печать, я слышалъ слова третяго животнаго: иди и смотри. Я взглянулъ, и се конь воронїй; и сидящїй на немъ, имѣлъ мѣру въ рукъ своей. И слышалъ я гласъ посреди четырехъ животныхъ, говорящїй: мѣра пшеницы за динарій, и три мѣры ячменя за динарій; еляя же и вина не повреждай» (Отк. 6: 5–7)²⁸.

Известны различные интерпретации Откровения св. Иоанна Богослова. Одним из самых значительных является каноническое толкование св. Андрея Кесарийского, дающее такое объяснение указанных строк: «Снятие третьей печати, означающее отпадение от Христа не имеющих твердой веры в Него <...>

Мера пшеницы за динарь, может быть, означает чувственный голод, который тогда будет, как указано далее. И это весьма достоверно. В переносном же смысле мера пшеницы, оцениваемая в динарий, означает всех законно–подвизавшихся и сохранивших данный им образ Божий. Три меры ячменя суть те, кто по недостатку мужества, подобно бессловесным, покорились гонителям из–за страха, но потом принесли покаяние и омыли слезами оскверненный образ. Слова не вреди вина и еляя указывают, что из–за страха не следует отвергать Христово врачевание, оставляя без него уязвленных грехом и впавших в разбойники и тем допуская смерть к похищению тех, кои имеют побороть свое грехопадение по милости долго–терпеливого и великого Бога»²⁹.

С. Н. Булгаков, назвавший шестую главу Откровения св. Иоанна Богослова «апокалипсическим изображением истории», комментирует биб-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 181.

²⁸ Текст цитируется в переводе Российского Библиейского общества по изданию, подаренному Достоевскому Н. Д. Фонвизиной в 1850 г.: Господа нашего Иисуса Христа Новый Заветъ. СПб., 1823. С. 591 (РГБ, ф. 93, 1.5в.1).

²⁹ Св. Андрей, архиепископ Кесарійский. Толкование на Апокалипсис. Статья пятнадцатая. М., 2000. С. 69–71.

лейские строки несколько иначе: «Третий всадник на коне вороном, имеющий меру в руке своей, означает голод. О нем делается „посреди животных“ (6) аллегорическое предвозвещение: „хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий“ (6) (что исторически и археологически означает дороговизну, вызывающую голод). Эта враждебная человеку стихия также попущена в плане Божиим, хотя ей и поставлена граница: „елея же и вина не повреждай“. Что бы ни означала эта аллегория: относится ли она к физическому питанию или же к духовному (тайнства церкви), но она говорит о путях Промысла в сохранении человечества от гибели даже при наличии голода. Эта грань вносит провиденциальную черту в грядущие бедствия от голода, им ставится определенная мера»³⁰.

Согласно «Толковой Библии», «первая половина слов Божественного голоса говорит о необыкновенной дороговизне жизни вследствие голода, а вторая указывает на ту роскошь, которой обыкновенно предаются богатые слои общества, эксплуатирующие бедных. В частности, в периоды борьбы христианства с язычеством первые христианские прозелиты среди того или другого языческого общества всегда находились и находятся в сравнительной нужде; более богатое языческое общество обыкновенно утопает в роскоши языческой жизни, христиане же, лишаемые поддержки и сочувствия, должны бывают до крайности ограничивать свои потребности (Иак. II, 6)»³¹.

Посмотрим, какое истолкование получает библейский сюжет в «Дневнике писателя», учитывая, что «цитата, будучи отсылкой к некоторому тексту, расширяет и, как правило, обогащает произведение, в которое она включена, осуществляя в каком-то смысле связь „всего со всем“»³². В окончательном тексте, в отличие от наборной рукописи, прямое цитирование Библии исчезает, но сохраняется апокалипсический мотив суда и есть очевидная аллюзия на указанный новозаветный сюжет: «Сам судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будут нелепостью, если сам он, держа в руках меру и весы, не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу — к Милосердию

³⁰ Булгаков Сергей, прот. Апокалипсис Иоанна. (Опыт догматического истолкования). М., 1991. С. 57–58.

³¹ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 3 т. / Изд. приемников А. П. Лопухина. Пб., 1911–1913. Т. 3. С. 541. Более подробный вариант толкования см.: Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса, с библиографическим указателем / Сост. М. Барсов. М., 1902. С. 125 (автор комментария к гл. VI Апокалипсиса — Ф. Яковлев); Орлов Н. Апокалипсис св. Иоанна Богослова: Опыт толкования. М., 1904. С. 111–112. В библиотеке Достоевского имелся Апокалипсис на французском языке, предположительно соотносимый с комментированными изданиями «Апокаल्पсе du bienheureux Jean» А. Bertet (Paris, 1861; Chambégu, 1870); к сожалению, в настоящее время они не являются для нас доступными (подробнее см.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2005. С. 209).

³² Коробова М. М. Цитаты и крылатые выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского: О проекте словаря // Слово Достоевского. М., 1996. С. 56.

и Любви» (25, 202). Достоевский, предлагая свое понимание библейского изречения, связывает апокалипсические мотивы и образы с целым комплексом историко-философских идей.³³ Прежде всего, это размышления на тему вины и преступности человека, возникшие в связи с прочтением романа «Анна Каренина». Говоря об этом, Достоевский обращается к не менее значимой для «Дневника писателя» теме европейской цивилизации. По мнению автора, «вопрос о виновности и преступности человеческой» в Европе решается двояко: это либо существование согласно закону, когда «зло и добро определено, взвешено, размеры и степени определялись исторически мудрецами человечества» — и «этому выработанному кодексу повелевается следовать слепо» (25, 200–201), либо путь революций, и тогда — «ждут будущего муравейника, а пока зальют мир кровью» (25, 201). Библейское изречение становится иллюстрацией к первому решению. В таком контексте выражение «елея же и вина не повреждай» — это символ непреложности человеческого закона, это характеристика жизни по правилам, установленным людьми, которые сами не ведают истины.

Как видим, трактовка библейских строк, данная Достоевским, отличается от богословской и связана не только с религиозной идеей, но и с характеристикой европейской жизни. В рассуждениях Достоевского появляется образ муравейника, который во многих произведениях писателя символизирует социалистическую утопию и получает устойчивые определения: это созданный «для самосохранения, то есть для бруха» «идеал социального устройства» («Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» — 20, 110); «человеческий безошибочный муравейник» «вне Бога и вне Христа» («Дневник писателя» 1877 г. — 26, 90); «муравейник, давно уже созидавшийся в ней (в Европе. — Н. Т.) без Церкви и без Христа» («Дневник писателя» 1880 г. — 26, 167)³⁴. По убеждению Достоевского, европейские социалисты сосредоточены на материальном и забывают о духовной сущности человека — такое содержание образа муравейника отметил, в частности, Н. О. Лосский: «Замысел построить общество без нравственного обоснования, опираясь только на науку и на мнимые научные аксиомы вроде „борьбы за существование“, Достоевский сравнивает с построением Вавилонской башни; пытаюсь устроить нечто вроде муравейника, люди не создадут богатств, наоборот, они придут к такому разорению, которое закончится антропофагией (1877, ноябрь)»³⁵.

³³ Данный принцип проявляется и в художественных произведениях. По замечанию Н. Ф. Будановой, «в контексте черновиков к „Бесам“ апокалипсические образы использованы Достоевским для осмысления исторической роли России в грядущих судьбах мира. Об этом же свидетельствуют многочисленные пометы, сопровождающие стихи Апокалипсиса в принадлежащем Достоевскому экземпляре Нового завета <...>» (12; 350, примечания).

³⁴ О философской и литературной традициях образа муравейника в произведениях Достоевского см.: 7; 387 (примечание Г. Ф. Коган и Г. М. Фридлендера); Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. С. 300–301. См. также: Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 170–173.

³⁵ Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 243.

Указанный тематический контекст становится еще более широким при обращении к апокалипсической теме в разных произведениях Достоевского. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» образ муравейника, отражающий ошибочную, по мысли автора, идею объединения «по необходимости» (в отличие от истинной идеи свободного духовного сообщества), возникает в рассуждениях о всемирной выставке в Лондоне: «А между тем и тут та же упорная, глухая и уже застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга — не то обращение в антропофаги!» (5, 69). При этом образ муравейника как ложный идеал человечества сопровождается библейской аллюзией: «Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо векового духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» (5, 70). Имеется в виду содержание семнадцатой и восемнадцатой глав Апокалипсиса, где говорится о «вавилонской блуднице»: в религиозном смысле это символ греха, в историческом — римской церкви. Данные значения соединяются в монологе Великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы» (см.: 14, 230–231, 234–237).

В финальном эпизоде «Преступления и наказания» Достоевский развивает апокалипсическую тему, вновь связывая ее с историей человечества, осужденного «в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве» (6, 419). В «болезненных грезях» Раскольникова обнаруживаем образ «мудрецов» и мотив человеческого суда (отмеченные в интересующем нас отрывке «Дневника писателя»): «Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. <...> Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе» (6, 419–420). Комментируя эту часть романа, Г. Ф. Коган указывает на соотнесенность «символического сна Раскольникова» с Апокалипсисом (гл. 8–17), «образы которого Достоевский наполняет более широким содержанием», о чем свидетельствуют и пометы писателя в экземпляре Нового Завета 1823 г. с упоминанием таких понятий, как „социализм“, „цивилизация“, „общечеловек“» (7; 399).³⁶

³⁶ Более подробный комментарий к данному фрагменту «Преступления и наказания» см.: Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. С. 432–437.

Наконец, в романе «Идиот» не только имеются цитаты и реминисценции из Апокалипсиса, но появляется и герой-толкователь. Внимание Лебедева привлекает именно та цитата о третьем всаднике на вороном коне, которая повторяется в наборной рукописи «Дневника писателя» 1877 г.: «...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: „мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий“... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божии при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохраняют, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...» (8, 167–168)³⁷. Это высказывание позволяет уточнить наше понимание более поздних рассуждений Достоевского в «Дневнике писателя»: цитата из Апокалипсиса становится характеристикой времени, определением бездуховной цивилизации, существующей «на мере и на договоре» и разъединяющей людей на «эгоизмы».

В «Дневнике писателя» образ всадника связан с мотивом суда и темой виновности. Отрицательно оценив упомянутые выше решения вопроса о виновности и преступности человеческой, Достоевский между тем заявляет о «национальном „новом слове“» (25, 200), сказанном автором «Анны Карениной». Важно то, что через интерпретацию романа Толстого Достоевский отчетливо проговаривает собственный взгляд на человека: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: „Мне отмщение и Аз воздам“» (25, 201). Здесь вновь возникает апокалипсический образ всадника с мерой в руке — «судьи человеческого». В «Дневнике» это образ собирательный, означающий тех, кто судит виновных и преступных. По Достоевскому, такой суд одних грешников над другими невозможен и несправедлив. Не случайно еще в «Записках из Мертвого Дома» преступники названы «несчастливыми» (ср.: «...весь народ во всей России называет

³⁷ Об апокалипсической теме в романе «Идиот» в частности и в творчестве Достоевского в целом см.: Степанян К. А. «Это будет, но будет после достижения цели...», или Четыре всадника в повествовании о «положительно прекрасном» человеке («Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса и Э. Ж. Ренана и роман Ф. М. Достоевского «Идиот») // Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005. С. 173–190; Карякин Ю. Ф. Достоевский и Апокалипсис // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 1. С. 5–15; Черюкина Г. Л. Образ Христа в поздних романах Ф. М. Достоевского в свете влияния Апокалипсиса // Филологический вестник Ростовского университета. 2000. № 3. С. 16–21; Артемьева С. Апокалипсис у Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 2003. Вып. 17. С. 233–252. Также см.: 9; 445–448 (примечания Н. Н. Соломиной); к сожалению, комментатором не отмечен историософский смысл, которым Достоевский наделил библейское изречение о третьем всаднике, см.: 9; 439).

